

Человек в мире идеального

(Размышления над новыми публикациями о жизни и творчестве Э.В. Ильенкова)

Э. Ильенков. *От абстрактного к конкретному. Крутой маршрут. 1950–1960* / Авт.-сост. Е. Иллеш. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. 384 с.

Э. Ильенков *Идеальное. И реальность. 1960–1979* / Авт.-сост. Е.Иллеш. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2018. 528 с.

Об Эвальде Васильевиче Ильенкове писали и пишут очень много. Проводятся Ильенковские чтения, собирающие исследователей и сторонников Ильенкова, в том числе его бывших учеников и друзей. Недавно молодой командой из МГУ под руководством режиссера Александра Рожкова был снят документальный фильм «Ильенков». Одновременно с этим не замолкает и линия критики ильенковских идей. На этом фоне появление серии книг (о первой из которых мне уже довелось писать ранее: см. Труфанова Е.О. *Философская драма (Размышление о книге: Э.Ильенков, В.Коровиков. Страсти по тезисам о предмете философии (1954–1955 гг.)*. М.: Канон+, 2016. 272 с. // *Вопросы философии*. 2016. № 6. С. 213–216), в которых публикуются не только ранее не печатавшиеся тексты Ильенкова, но и выдержки из протоколов ряда судьбоносных для Ильенкова заседаний, является не просто уместным. Эти книги, как представляется, способны породить новые дискуссии как о философских взглядах Ильенкова, так и о советской философии в целом.

Автор-составитель книг Елена Иллеш строит каждую из книг вокруг определенного драматического сюжета – в жизни Э.В. Ильенкова их было достаточно. Эта драматичность обеспечивается за счет обращения к залежавшимся в архивах протоколам различных заседаний, на которых решались судьбы не только отдельных работ Ильенкова, но и самого их автора. Поднятые из архивов, слегка сокращенные для удобства чтения и частично пересказанные самой Иллеш (это, впрочем, можно было бы поставить в упрек – наличие «купюр» в тексте, тем более – в историческом документе, всегда вызывает вопросы), эти протоколы приобретают форму театрального представления с множеством действующих лиц, находящихся в сложных отношениях друг с другом и, в первую очередь, разумеется, с самим Ильенковым. В первой книге 2016 г. издания драма разворачивалась вокруг «Тезисов о предмете философии». Во второй таким сюжетом становится история с несостоявшейся публикацией на Западе первой книги Ильенкова «Диалектика абстрактного и конкретного» (невольнo втянувший его в эту неприятную историю итальянский славист Витторио Страда – один из персонажей данной драмы – скончался совсем недавно – в апреле 2018 г.). В третьей книге это, несомненно, обсуждение рукописи книги «Проблемы материалистической диалектики как логики и теории познания» –

камнем преткновения была знаменитая теперь статья Ильенкова о проблеме идеального.

Книга «От абстрактного к конкретному. Крутой маршрут. 1950–1960» содержит ряд ранних работ Ильенкова и комментариев к ним, написанных В.А.Лекторским, И.А. Раскиным, А.Д. Майданским. Это преимущественно работы, связанные с проблемами диалектической логики, но в то же время и удивительная романтическая «Космология духа», звучащая скорее отголоском советской научной фантастики той эпохи (практически в те же годы, когда была написана «Космология духа» Иван Ефремов работает над своей знаменитой повестью «Туманность Андромеды»), нежели сочинением по проблемам диалектического материализма – в ней слышны отзвуки не только Гегеля, но и русского космизма. И, разумеется, особый интерес представляет публикация «Тезисов к вопросу о взаимосвязи философии и знаний о природе и обществе в процессе их исторического развития» – тех самых скандальных «Тезисов», чей полный текст в официальной печати выходит, вероятно, впервые.

Книга «Идеальное. И реальность. 1960–1979», на мой взгляд, содержит наиболее интересные из ранее не публиковавшихся работ Ильенкова – прежде всего материалов, связанных с разработкой проблемы идеального. Тексты «Диалектика идеального» и «Проблема идеального» представляют собой наиболее полные материалы тех исследований, которые были опубликованы как статья «Идеальное» в «Философской энциклопедии» 1960–1970-х гг. и – уже после смерти автора – как «Проблема идеального» в «Вопросах философии» (1979, №6). Эти тексты поражают своей научной злободневностью – они были бы абсолютно уместны в рамках современных дискуссий о конструктивизме и реализме в теории познания, о философии сознания, о проблеме виртуальной реальности.

Идеальное у Ильенкова – это «схема реальной, предметной деятельности человека, согласующаяся с формой вещи вне головы, вне мозга. Да, это именно схема и только схема, а не сама деятельность в ее плоти и крови. Однако именно потому, и только потому, что это – схема (образ) реальной целесообразной деятельности человека с вещами внешнего мира, она и может быть представлена и рассмотрена как особый, абсолютно независимый от устройства “мозга” и его специфических “состояний” объект, как предмет особой деятельности (духовного труда, мышления),

направленной на изменение образа вещи, а не самой вещи, в этом образе предметно представленной» (Идеальное. И реальность. С. 31).

Ильенков, таким образом, заочно включается в крайне актуальную современную дискуссию о реализме, подчеркивая реальность не только материальных вещей, но и особую реальность идеального. Особым свойством человеческой природы является способность, преобразуя мир вокруг себя, создавать не только «вторую природу», т.е. ранее не существовавшие материальные объекты, но и множество особых нематериальных объектов, формирующих специфическую область реальности. Специфику этой особой реальности по-разному пытались «ухватить» представители разных философских школ и традиций – Карл Поппер пишет о «мире объективного знания» (Popper K.R. *Objective Knowledge: An Evolutionary Approach*. Oxford, 1972), Уилфрид Селларс – о «пространстве смыслов» (Sellars W. *Empiricism and the Philosophy of Mind // Minnesota Studies in the Philosophy of Science. Vol. I: The Foundations of Science and the Concepts of Psychology and Psychoanalysis*. Minneapolis, 1956. P. 253–329) и т.д. Упомянутые концепции, несомненно, отличаются от ильенковской концепции идеального и различаются между собой. Тем не менее они сохраняют одно сходное содержательное ядро – все они говорят о том особом уровне нематериального бытия, который является специфическим творением человеческого сознания, однако, будучи сотворенным, приобретает особую реальность. Существование этой реальности оказывается возможным благодаря взаимодействиям между людьми: формируемые одним сознанием идеи и смыслы становятся доступны другим сознаниям и, как следствие, становятся достоянием всего общества или культуры. В своем определении идеального, так же, как и в ряде представленных в книге «Идеальное. И реальность» текстов о предназначении философии, Ильенков последовательно настаивает на праве и обязанности философии заниматься собственно философскими проблемами, не сводимыми ни к устройству мозга, ни к устройству материального мира в целом.

Ильенков пишет в «Диалектике идеального», что «все дело в том, что мыслит не мозг, а с помощью мозга – индивид, вплетенный в сеть общественных отношений, всегда опосредованных материальными вещами, созданными человеком для человека. Мозг же – это лишь материальный, анатомо-физиологический орган этой работы, работы мышления, то бишь духовного труда. Продуктом этой специальной работы как раз и оказывается идеальное. А вовсе не материальные изменения внутри самого мозга» (Идеальное. И реальность. С. 30). Здесь он снова возвращается к полемике со сторонниками естественнонаучного объяснения человеческого сознания, прежде всего, с Д.И. Дубровским. Отголоски этой же полемики заметны и в явном беспокойстве Ильенкова относительно

роста популярности кибернетики («электронно-кибернетическая мифология распространяется как зараза...» (Идеальное. И реальность. С. 311)), стремящейся заменить человеческое мышление – машинным. В первую очередь для него, разумеется, неприемлем своеобразный «кибернетический редукционизм» в объяснении человеческой личности. Здесь так и хочется снова написать «в объяснении сознания», но Ильенкова интересует в первую очередь именно личность, социокультурное измерение сознания, то сознание, которое способно вступить в «царство человеческой культуры» (Ильенков Э.В. *Откуда берется ум // Философия и культура*. М., 1991. С. 30–43), вступить во взаимодействие с идеальным. Для Ильенкова «кибернетизм» (являющийся одним из современных проявлений неприемлемого для него позитивизма) неправомерно упрощает, примитивизирует проблему, низводит личность к бинарному коду, бездушной программе. В этом его противостоянии чувствуется опасение, что это упрощение убьет всю суть человека, с чем романтический гуманизм Ильенкова был не способен примириться.

Надо сказать, эти опасения не кажутся чужеродными и в наше время, когда когнитивные науки, нейронауки и даже «нейрофилософия», исследования в области искусственного интеллекта часто начинают подменять собственно философские проблемы исследований сознания, личности, Я. Надежда «разгадать» загадку сознания с помощью средств современной науки сегодня вдохновляет множество исследователей, в том числе и философов, тогда как загадка человеческой личности воспринимается как задача второстепенная, которая легко «вскрывается», как только будет найдено решение вопроса о том, каким образом сознание «зашифровано» в мозге. Этот сциентистский подход несет опасность дегуманизации человека, провоцирует уход от решения вопросов о том, как воспитание, общественное устройство могут способствовать не только рождению, но и совершенствованию человеческой личности. Подобная технократия, как весьма прозрачно демонстрировали многие писатели-антиутописты, ведет, в конечном счете, к обезличиванию индивидуальной человеческой личности, к фетишизации технологий и к нарастанию тоталитарного контроля в обществе. Я не склонна к антисциентистскому алармизму и технофобии, но мне представляется очевидным, что, отбросив в сторону мир «идеального», к которому в том числе относится и мир человеческих ценностей, мы утрачиваем самое важное из того, что делает нас людьми. А людьми нас делает не только и не столько биологическая принадлежность к виду *homo sapiens* и наличие правильно функционирующего мозга, соответствующего данному виду.

Особым образом проблема идеального преломляется в одном из последних проектов Ильенкова, которому он отдал немало душевных и физических сил. Речь идет о сейчас уже широко известном в отечественной научной литературе «Загорском эксперименте» со слепоглухонемыми

детьми. Дискуссия об этом эксперименте не теряет своей остроты, горячо поддерживаясь, с одной стороны – учениками и сторонниками Ильенкова, с другой – Д.И. Дубровским и его сторонниками. Дубровский буквально недавно организовал переиздание книги «Слепоглухонемота. Исторические и методологические аспекты. Мифы и реальность» (М.: URSS, 2018), содержащей материалы докладов конференции 1988 г., основной целью которой было «разоблачение фальсификаторов» Загорского эксперимента, включая, разумеется, в первую очередь, Э.В. Ильенкова. А.Д. Майданский в небольшом тексте (Идеальное. И реальность. С. 413–434) вновь возвращается к этой шумевшей теме, убедительно, на мой взгляд, демонстрируя неправомерность обвинений критиков Загорского эксперимента. Действительно, то, в чем обвинялся Ильенков (якобы в сокрытии информации о том, что слепоглухонемота была не врожденной), легко опровергнуть его широко доступными текстами – к примеру, из журнала «Молодой коммунист», где он прямо пишет о том, что органы чувств были повреждены у детей в результате рано наступивших их заболеваний (Ильенков Э.В. Александр Иванович Мещеряков и его педагогика // Молодой коммунист. 1975. № 2. С. 80–84). Об этом же, как показывает его выступление на Ученом совете Института философии (его стенограмма также приведена в данной книге) он говорил и устно. А возмущавшие многих критиков слова Ильенкова о «нулевой психике» попадавших к воспитателям в интернате детей совершенно очевидно необходимо трактовать как идеализацию, без которой не обходится никакие, даже естественные науки. Как верно отмечает А.Д. Майданский, с тем же успехом можно упрекнуть «Ньютона за то, что он злонамеренно скрыл разницу между земным и небесным мирами и выдавал за реальность фикцию – прямолинейное и равномерное движение, каковое нигде в природе не наблюдается» (Идеальное. И реальность. С. 429–430).

Мне представляется, что вся острота конфликта вокруг Загорского эксперимента связана с тем, что авторы говорили на разных языках. То, что понимал под психикой Ильенков, было совсем не той психикой, о которой писал Дубровский. Поэтому в этой дискуссии изначально было невозможно достигнуть не то что согласия, но даже и понимания позиции оппонента. Потому эти споры были обречены остаться неразрешенными.

Как уже отмечалось ранее, особый интерес представляют архивные документы – в книге «Идеальное. И реальность» они особенно разнообразны: это и обсуждение статьи «Абстрактное и конкретное как категории логики» на заседании сектора диалектического материализма, и стенограмма партсобрания Института философии, касающаяся стенгазеты Института, в создании которой Ильенков регулярно принимал участие, и ряд материалов из «дела Зиновьева», связанных с исключением последнего из партии (подробнее

об этом можно прочесть в интересном, хотя и не беспристрастном изложении Елены Иллеш: Иллеш Е. «Дело Ильенкова» и «Дело Зиновьева» // Человек. 2017. № 5. С.7–24), и протокол защиты докторской диссертации самого Ильенкова, и, разумеется, все перипетии обсуждения книги «Диалектика как логика и теория познания», критика которой была направлена в основном на статью Ильенкова. Вдобавок в архивных документах в каждой из книг присутствуют воспоминания В.А. Лекторского об указанном периоде времени – Лекторский в то время был не только учеником Ильенкова, наблюдавшим за судьбой учителя со стороны, но и непосредственным участником многих из упоминавшихся событий.

Таким образом, помимо собственно историко-философского интереса к судьбе Ильенкова и к его работам, данная серия книг также интересна как чисто исторический источник – в многочисленных цитатах из архивных документов отражена не только интеллектуальная, но и социально-политическая культура эпохи, в которую Институт философии являлся учреждением, обязанным блюсти идеологические устои советского общества. При чтении этих документов неизбежно возникает соблазн с высоты современного «свободного» общества подвергать критике «систему», запиравшую философов в тиски марксизма-ленинизма. Однако если вчитаться внимательно, то становится понятным, что история Ильенкова – это не просто классическая история героя-одиночки, подмятого под гусеницы бездушной системы. Это скорее история Моцарта и Сальери – талантливый философ и ряд завистливых недоброжелателей, использующих изьяны «системы» в своих интересах. «Система» может быть «хорошей» или «плохой», но важно не это, а то, как ее используют люди. Можно оставаться Человеком в рамках самой бесчеловечной «системы», а можно быть подлецом в самом справедливом обществе. Именно это, как мне кажется, надо иметь в виду, когда читаешь представленные в этих книгах исторические документы советской эпохи. И именно эта тайна – тайна о том, как существо вида *homo sapiens* становится личностью, становится Человеком в полном смысле этого слова, и была, в конечном счете, главным двигателем исследований Ильенкова.

Е. О. Труфанова

Труфанова Елена Олеговна – Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, руководитель сектора теории познания eltrufanova@gmail.com

Trufanova Elena O. – Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation.

CSc in Philosophy, Leading Research Fellow, Head of Department of the Theory of Knowledge

DOI: 10.31857/S004287440003888-1